

Глава 1

Я его спас

Иезавель, чернокожая, быстроглазая и стройная, как серна, служанка в доме префекта римской провинции Иудеи, Идумеи и Самарии Гая Понтия по прозвищу Пилат, уже несколько дней не находила себе места. Ее госпожа, красавица Клаудиа Прокула, еще недавно такая добрая и приветливая, ныне пребывала в крайне плохом расположении духа. После возвращения из Ершалаима ее будто подменили. Клаудиа не снимала траурных одежд, не выходила из своих комнат и никого не принимала. «Все этот лекарь, — со злобой думала Иезавель, — это все из-за него!»

Иезавель взяли в дом Пилата еще в Риме, в тот самый день, когда Клаудиа родила ему сына. Спустя пять лет милостью императора Тиберия Понтий Пилат был назначен префектом Иудеи, Идумеи и Самарии, где быстро успел снискать себе славу грубого и жестокого правителя. Таким он был не только на службе, но и дома: со слугами — нетерпим и скор на расправу, с супругой — молчалив и неприветлив. Быстро, очень быстро Клаудиа с горечью поняла, как несправедливо распорядилась ее жизнью судьба...

Впрочем, этот брачный союз был странным с самого начала. Шестнадцатилетняя красавица Клаудиа и грузный, усталый, огрубевший в боях с германцами и галлами Гай Понтий Пилат из сословия всадников не выглядели счастливой парой. Пилат был втрое старше ее. Складывалось впечатление, что по своей воле он не женился бы никогда,

поскольку не испытывал ни малейшей потребности ни в семье, ни в домашнем очаге. Однако положение знатного римлянина, а тем более претендента на должность префекта римской провинции подразумевало наличие супруги. Для ее же семьи, хотя и имевшей римское гражданство, но бедной и происходившей из отдаленной части империи, брак дочери с человеком из сословия всадников был едва ли не единственным способом завязать знакомства в Риме. Пилат почти не разговаривал со своей юной женой, однако любил, когда она читала ему или играла на музыкальных инструментах. Время от времени он посещал ее по ночам, и в конце концов супруга подарила ему наследника. Но даже это не изменило крутого характера Пилата, который по-прежнему предпочитал проводить больше времени на военном плацу, среди лошадей и солдат, чем дома с женой и сыном. Особенно невыносимым для молодой супруги Пилата стал переезд в Иудею, где в их дворце в Кейсарии Приморской она чувствовала себя оторванной от родных и близких, одинокой и покинутой.

И все же, несмотря на все свои несчастья, Клаудиа оставалась полной противоположностью мужу, была добра со слугами и приветлива с гостями. Всю любовь своего сердца она отдавала ребенку, пока от тоски не заболела ужасной кожной болезнью, что для молодой, полной чувственности женщины было сродни одиночному заключению. Отныне, боясь заразить сына, она почти не прикасалась к нему, а муж, и так не знавший любви, теперь вовсе избегал ее. Так и случилось, что Иезавель — молодая рабыня-эфиопка — стала для сына Пилата матерью, а для самого префекта — наложницей по случаю или, скорее, по потребности.

Все изменилось в тот день, когда Клаудиа в сопровождении Иезавель и двух солдат, взятых в качестве охраны, инкогнито отправилась к Мертвому морю. Его окрестности

славились своими чудотворными мазями и соляными ваннами, обладающими необыкновенной силой при заживлении ран и омоложении кожи. Время от времени торговцы привозили эти мази в Кейсарию и продавали за огромные деньги, однако никакие снадобья не могли заменить погружений в целебные воды Мертвого моря и волшебных лучей тамошнего солнца. Путь был неблизкий и опасный, но Клаудиа была готова на любые жертвы, чтобы избавиться совсем или хотя бы на время от ужасной чешуйчатой коросты, покрывавшей часть ее тела. Именно там, в Галилее, и произошла встреча, в одночасье изменившая сначала жизнь жены римского префекта, а затем и саму историю. Иезавель, которая стала невольной свидетельницей упомянутых событий, не была очень умной и образованной, но все, что произошло в тот день, она запомнила навсегда.

Они благополучно миновали пустынные горы и уже спустились в долину реки Иордан, когда заметили группу сидящих в тени пальм людей. Было жарко, и дул южный ветер, но людей, расположившихся полукругом возле небольшого возвышения, это, по-видимому, ни в малейшей степени не беспокоило. Все их внимание было приковано к сидящему на возвышении человеку, который что-то им говорил. Впрочем, увидев подъехавших всадников, говоривший замолчал, встал и направился к ним. По необъяснимой причине он сразу и без колебаний подошел к коню Клаудии и мягким движением взял его под уздцы. Один из солдат грозно крикнул и направил на него свое копьё, но Клаудиа остановила солдата решительным жестом.

Ибо человек, державший под уздцы ее лошадь, обладал необыкновенной внешностью. Это был высокий худощавый мужчина лет тридцати, с длинными густыми русыми волосами, расчесанными на пробор посередине, с небольшой, аккуратно подстриженной бородкой цвета спелой пшеницы.

Он менее всего напоминал иудея или самарянина, хотя и был одет в обычный для жителей тех мест простой, подпоясанный веревкой холщовый хитон и сандалии. Волосы, сверху прямые, спадали на плечи вьющимися прядями, обрамляя чуть продолговатое лицо с тонким прямым носом. Но особенно удивительными в облике незнакомца были очень чистые и светлые глаза, смотрящие как будто издали и одновременно проникающие вглубь... Встретившись с ним взглядом, Клаудиа вдруг почувствовала, как внизу живота появилось уже позабытое ею томление, на мгновение ее охватил жар желаний, который, впрочем, прошел так же быстро, как и возник.

— Мир тебе, — сказал незнакомец восхитительным глубоким голосом. Тепло в ее животе появилось вновь. Он говорил по-арамейски. — Я рад нашей встрече.

— Кто ты такой, чтобы говорить со мной? — едва сдерживая себя, вымолвила Клаудиа. — Знаешь ли ты, кто я?

— Это не имеет значения, — ответил он. — Важно лишь, что ты нуждаешься в помощи, как и то, что я могу тебе помочь.

— Чем ты можешь мне помочь? Ты лекарь? Священник?

— Нет, ни то, ни другое, но это тоже не имеет значения. Не тело, но душа твоя нуждается в исцелении. Сойди с коня, пойдем со мной. Мы только поговорим.

Клаудиа не понимала, что с ней происходит. Ей нужно было бы оттолкнуть этого наглеца, велеть солдатам наказать его и уж точно никуда с ним не ходить. Но, повинувшись каким-то не зависящим от ее воли силам, она сделала все в точности наоборот. Клаудиа спрыгнула с коня и, невзирая на протесты Иезавель, пошла с незнакомцем.

* * *

Гай Понтий Пилат был хорошим римлянином. И, как и положено хорошему римлянину, он не любил Иудею. Эта про-

винция постоянно доставляла Риму хлопоты. Если бы она доставляла столько же налогов, сколько хлопот, это было бы еще полбеды, но ведь и с налогами были сплошные проблемы. А бесконечные праздники, требующие внимания и повышенных мер безопасности, поскольку по местной традиции каждый из них проходил при огромном стечении народа? А власть первосвященника, с которой он вынужден был считаться? А повстанцы-зелоты? А жалобы по каждому поводу — как Пилату, так и на Пилата? Никому в этой стране нельзя доверять, как и понять ее народ — невозможно.

Взять хотя бы тот случай с водопроводом. Ведь в Ершалаиме нет воды, и это большая проблема. Точнее, вода есть, но только в Храме; ее получают там по тайному подземному водоводу, построенному по приказу первосвященника. Сразу после назначения префектом Пилат решил осчастливить местных жителей и построить водопровод для всех — как в Риме. Однако ему не удалось собрать достаточно денег, хотя речь шла об источнике Эль-Аррув, расположенном на расстоянии каких-то двухсот стадий от города. Тогда он решил использовать на это благое дело храмовую казну — зачем лежать золоту без дела? И что в результате? Волнения в народе, протесты, жалобы на Пилата имперскому легату Сирии Луцию Вителлию... Даже до Рима добрались со своими жалобами! Гнусная, мелочная страна.

Но служба есть служба, и несколько раз в год по случаю праздников или по особо важным делам римский префект все же показывался в Ершалаиме. Нередко он приводил с собой несколько отрядов конницы, чтобы напомнить местным жителям, кто оберегает их имущество и покой и кому они должны платить за это звонкой монетой налоговых сборов. Кроме того, важно было не допустить волнений, которые всегда могли возникнуть при таком скоплении народа, какое бывало во время праздников, и при наличии таких заклятых

«друзей» Рима, как левиты — местные властители душ из Ершалаимского Храма. В этот раз праздник был самый что ни на есть важный — Пасха. Народ Моисея, все, кто только мог двигаться, стекался в Ершалаим, чтобы принести жертвы Богу Израиля, как требовали предписания их пророков. Пилат прибыл в столицу Иудеи за несколько дней до Пасхи и обосновался в бывшем дворце царя Ирода Великого. Это был не его выбор, а предшественника — Валерия Грата, который в бытность префектом имел привычку активно вмешиваться в дела вверенной ему провинции и не без умысла, дабы подчеркнуть величие Рима, разместил свою резиденцию во дворце иудейских царей. За одиннадцать лет своего правления Грат сменил одного за другим пятерых иудейских первосвященников, и нынешний — Иосиф бар Каифа — был назначен именно Гратом. Пилат же предпочитал дипломатии военную силу, мало смыслил в хитросплетениях местной политики и старался держать людей из Храма на расстоянии.

Здесь же, во дворце Ирода, Пилат вершил суд. Эта обязанность была наиболее тяжелой из всех, которые выпадали на долю префекта. Путаница с законами — римскими и местными; претензии буквально каждого из подозреваемых, истцов и ответчиков на исключительность; ложь и обман на каждом шагу... Впрочем, обычно префект не утруждал себя детальным разбором дел. Если речь шла о смертном приговоре, то какая, в конце концов, разница — одним иудеем больше, одним меньше, а если решался имущественный спор, то кто-то из них все равно оставался недоволен. Он вообще предпочитал, чтобы наибольшее количество дел рассматривал синедрион и решения принимались по местным обычаям и законам. Однако бывали и исключения.

Утро дня, предшествующего Пасхе, Пилат встретил в своих покоях, где смышленный секретарь по имени Марк, выписанный в свое время из Рима специально для таких целей,